

Все остолбенели от увиденного. Даже двоюродная тётушка Лянь была так шокирована, что на миг потеряла дар речи. Но больше всех была потрясена старая госпожа Шэнь.

Та Мяо Ши, которая раньше была мягкой, как тесто, которую можно было мять и лепить, как вздумается, вдруг дала отпор. Это не ослабило, а лишь ещё сильнее раздуло ярость старой госпожи Шэнь. С того самого дня, как два брата Мяо Ши ворвались в их дом, всё вокруг неё понемногу выходило из-под контроля.

Шэнь Цин, который должен был батрачить на семью, а потом выйти замуж в какую-нибудь глушь, посмел разорвать отношения и уйти. Мяо Ши, которую следовало тихо развести и вышвырнуть ни с чем, осмелилась унести с собой и приданое, и компенсацию.

А старая госпожа Шэнь, которая должна была безмятежно и в довольстве наслаждаться жизнью Мяо Ши дома, теперь была вынуждена сама заниматься хозяйством и даже прислуживать новоиспечённой невестке. Зато Мяо Ши и Шэнь Цин, которым полагалось влачить нищенское существование, не только зарабатывали на продаже хвороста, но даже добыли дикого кабана и жили всё лучше и лучше.

И теперь эта самая Мяо Ши, прежде такая покорная и пугливая, которая при старой госпоже Шэнь не смела даже громко дышать, осмелилась ей перечить, осмелилась наставить на неё нож!

Старую госпожу Шэнь захлестнула волна ярости, накопившейся за долгие месяцы бессилия, унижения и изматывающей злобы, прорвавшейся разом.

«Ты с ума сошла?! Ты смеешь на меня нож поднимать?! Неблагодарная, бессердечная, дерзкая тварь!»

Двоюродная тётушка Лянь наконец пришла в себя и резко ответила: «Вы сами себя слышите? Она уже в разводе! С каких это пор она ваша невестка? Она направила на вас нож, и что с того? С чего вдруг это стало непочтительностью к старшим?»

Повернувшись к Мяо Ши, она осторожно потянулась к её руке с ножом и сказала: «Опусти нож. Не трать силы на неё. Ещё поранишься».

У двоюродной тётушки Лянь было дурное предчувствие. Она слишком хорошо знала: когда мягкий и терпеливый человек наконец взрывается, происходит самое страшное. Сейчас в Мяо Ши ощущалось что-то иное — опасное, будто она стояла на самой грани.

Мяо Ши дрожала всем телом, но сжимала нож крепко. Сознание её было ясным: это был не срыв и не вспышка эмоций — это была холодная, сдержанная ярость.

Она вспомнила рану на руке Шэнь Цина, глубокий, рваный порез от клыков дикого кабана, всё ещё свежий и пугающий.

Она вспомнила, как верёвка от вязанок хвороста стёрла его плечи до красноты и опухоли. Она плакала, прокалывая волдыри и осторожно выпуская жидкость, бережно перевязывала ему руки, зная, что на следующий день он снова пойдёт в горы.

Она вспомнила все те разы, когда они ещё жили в доме семьи Шэнь: как её сын с утра до вечера работал в поле, а потом, вернувшись, чистил свинарник и латал протекавшую крышу.

Они только-только начали выбираться. Только увидели крошечный луч надежды.

Так почему же семья Шэнь цепляется за них, словно неуспокоенные призраки?

Её сын надрывался изо всех сил, а родная бабушка проклинала его, желая, чтобы его поразила молния!

Она всегда считала себя бесполезной, думала, что ничем не может помочь Шэнь Цину. Но она хотя бы могла не быть для него обузой. Могла перестать позволять другим так легко топтать себя.

Двоюродная тётюшка Лянь могла выручить её раз, другой, но не могла быть рядом всегда.

Мяо Ши уже однажды дала отпор старой госпоже Шэнь — в день развода. Тогда, в отчаянии, при поддержке братьев, она впервые в жизни осмелилась кричать и спорить.

Если она нашла в себе мужество однажды, почему не может найти его снова?

Старая госпожа Шэнь всё ещё визжала: «Думаешь, ты такая крутая, раз ножом размахиваешь? Ну давай, режь меня! Я тебе разрешаю! Посмотрим, хватит ли у тебя духу! Бесплодная курица, возгордилась, потому что пожила пару хороших дней, думаешь, теперь можешь со мной так разговаривать? Смех да и только!»

Мяо Ши изо всех сил старалась удержать руку, всё тело её тряслось. Слезы неконтролируемо текли по лицу, но, когда она наконец заговорила, голос её был хриплым и твёрдым: «Попробую».

...

Когда Шэнь Цин уже подходил к двору, издалека было видно, что там творится что-то неладное.

Навстречу ему в панике бежал мужчина.

«Гер Цин! Наконец-то ты вернулся! Беда! Твоя мать сейчас убьёт твою бабушку! Скорее, беги туда, её все пытаются удержать! Я побежал за старостой деревни!»

Услышав первые же слова, Шэнь Цин сорвался с места и побежал. Но через несколько шагов резко остановился.

Стоп. Что?

Кто кого собирается убить?

У старосты деревни и его жены была ровно такая же реакция.

«Кто? Ты, наверное, что-то напутал. Разве это не та старая карга опять полезла к матери гера Цина?»

Госпожа Гуйсян как раз разделывала свиную ногу, которую Шэнь Цин подарил их семье.

Небольшой кусок она уже отрезала на вяленое мясо, а остальное промывали и натирали солью, готовя к засолу. Услышав шум снаружи, она стряхнула влагу с рук и вышла из кухни.

«Я так и знала, что эта проклятая семейка просто так не отстанет. Наверняка слюнями давились из-за дикого кабана. Ясное дело, что придут искать неприятностей».

Мужчина, прибежавший с вестью, замахал руками: «Нет... то есть да! Сначала, конечно, старая госпожа Шэнь начала буянить. Она явилась и потребовала пять цзиней мяса даром. Мать гера Цина отказалась, за неё вступилась двоюродная тётушка Лянь. Они сцепились с этой старой каргой, а потом та начала проклинать гера Цина, сказала, что если он не будет почтителен, его поразит молния».

Он стоял совсем рядом и видел всё собственными глазами.

«Как только она это сказала, лицо у матери гера Цина сразу изменилось. Она схватила тесак с разделочной доски и пошла прямо на старую госпожу Шэнь».

Он немного подумал и добавил: «Если честно, у той старухи язык как помело. Сначала мать гера Цина просто держала нож. Это старуха сама всё продолжала орать, провоцировала, подзадоривала, мол, давай, режь».

Госпожа Гуйсян одобрительно цокнула языком: «Ха! Так ей и надо. Не думала, что Мяо Ши наконец даст отпор, молодец».

Когда мужчина сначала сказал, что это будто бы Мяо Ши первая напала, Гуйсян не поверила. Теперь же, услышав всю историю, она была искренне впечатлена.

По правде говоря, госпожа Гуйсян никогда особо не ценила Мяо Ши.

В деревне она ведь была не единственной, кто не родил сына. Взять того же старика Чжана, у него есть только зять, а живёт он припеваючи: и фулан, и зять его уважают.

А Мяо Ши? Позволяла вытирать о себя ноги, годами давала мучить собственного сына. Смотреть на это было невыносимо! Госпоже Гуйсян всегда было жаль Шэнь Цина, но Мяо Ши она не уважала — за то, что допустила такое.

А теперь?

Теперь она наконец-то отстояла себя.

Отлично.

Может, ещё не всё потеряно.

Староста Чжао раздражённо вздохнул: «Хватит радоваться чужой беде — тут полный бардак! Эта чёртова семья Шэнь каждые несколько дней устраивает скандал. Вечно одни проблемы от них!»

Госпожа Гуйсян вытерла руки о фартук, сняла его и небрежно бросила на каменный стол.

«Погодите, я тоже пойду. Вы, мужики, в таких разборках ничего не понимаете. Просто стойте рядом и прикрывайте — не лезьте сами. Если бы ты раньше не был таким мягким с этой проклятой семьёй Шэнь, они бы сейчас так не распоясались!»